

Цирк

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

— Когда мой дед пришел в цирк и сказал, что хочет быть дрессировщиком лошадей, ему предложили место фотарщика.

Так начал свой рассказ Валерий Манжелли, представитель третьего поколения цирковой семьи. На манеже он уже одиннадцать лет. Сначала выступал под руководством отца, заслуженного артиста РСФСР Бориса Павловича Манжелли, отдавшего цирку тридцать пять лет. Теперь Валерий выступает самостоятельно. Работает дрессировщиком лошадей и старший брат Юрий, известный под фамилией Ермолаева. Его конюшня неофициально считается одной из лучших в Европе...

Валерий, Вы кончали цирковое училище?

— Нет. Я учился у своего отца. В пятнадцать лет состоялся мой дебют. Своей же кавалерийской школой я обязан подполковнику в отставке Сергею Михайловичу Кузинину. Он меня учил держаться на лошади. Этим, конечно, мог заниматься и отец, но он боялся, что будет недостаточно строгим и требовательным учителем.

В семнадцать лет я уже выступал самостоятельно, готовил новые номера.

У лошадей, говорят, как и других животных, есть свой «характер». Вы, наверное, лучше других знаете это...

— Самое главное — у лошадей отличная память. С одной стороны это хорошо, но с другой... Стоит лошади один раз неправильно исполнить упражнение — и часто почти невозможно отучить ее от ошибки. Стоит лошади чуть-чуть задеть на представлении ногой о какой-либо выступ, и она навсегда запомнит это место, будет остерегаться его.

Лошади очень тонко разграничивают репетицию от выступления перед зрителя-

Трудный хлеб дрессировщика

ми. На репетициях они никогда почти не ошибаются, чисто, как говорят, работают. Потому что понимают за ошибку накажут и заставят повторить номер раз десять. На представлении же ничего такого не будет. Наоборот, даже морковку дадут. Поэтому на представлении всегда приходится быть предельно собранным и следить за своими воспитанниками во все глаза. Ведь, например, восемь лошадей на арене сразу — это не шутка. Они могут стать просто опасными для зрителей.

В Вашей работе есть что-то общее с работой спортсменов-конников по выезде?

— К счастью, очень мало. Спортсмены применяют всего лишь два аллюра, которые используем и мы, цирковые артисты. В остальном же — резкое расхождение.

Почему «к счастью»? У спортсменов лошади ставятся почти что механизмами. В течение нескольких лет их «натаскивают» по одной программе, отработывая чистоту движений и прочее. В конце концов она уже сама, что называется, «закрытыми глазами» продвигает заученное на всю жизнь. Для цирка — это гибель. Ведь у нас главное — творчество. И человек, наездник, должен диктовать лошади свою волю, а не идти у нее на поводу. У меня, например, лошадь никогда не знает на выступлении, что она будет делать дальше. Она ждет команд от меня. И выходит не полу-механическая выездка, а яркое «осмысленное» выступление.

Все конные номера сопровождается музыка. Насколько велика ее роль?

— Пусть это не покажется странным, но для лошадей совершенно безразлично, что исполняет оркестр. Музыка звучит только для зрителей и дрессировщика. Именно он заставляет животное исполнять тот или иной танец. Я уже довольно долго работаю с лошадями, и за все время лишь однажды столкнулся с «музыкальной» лошадью. Догадываясь, что музыка скоро кончится, она убыстряла темп танца, когда же времени оставалось еще достаточно, наоборот, выполняла все движения чуть медленней.

Музыкальные способности лошадей физиологами почти не исследованы.

Валерий, а в чем еще трудности работы с этими животными?

— В наше время лошадь уже не то, что тридцать-сорок лет назад. Даже в колхозе их теперь редко встретишь — всюду машины. А потому становится труднее и дрессировщику. Слово «конюх» почти забыли. Приходится самому быть и конюхом, и дрессировщиком, и ветеринаром.

Сейчас все больше беспокойства вызывает тот факт, что на представлениях цирк заполнен лишь наполовину. В чем, по-вашему, причина?

— Вопрос очень сложный. Но я хочу поделиться не-

которыми мыслями. Наверное, пода отказаться от показа в цирке отдельных, ничем не связанных между собой трюков. Цирк — это спектакль с единым сценарием, в этот спектакль должны входить все элементы циркового искусства. Свое положение я могу подтвердить примером. Почти восемь лет мы показывали аттракцион «Бахчисарайская легенда», созданный по мотивам известного произведения Пушкина. Спектакль шел пятьдесят пять минут. Зрители видели и джигитовку, и выездку, и жонглирование на лошадях, и поединки всадников. Все это было объединено единым сюжетом. Семьдесят человек принимали участие в спектакле. Это было яркое зрелище. Восемь лет мы выступали с «Бахчисарайской легендой», из них полтора года в Ленинграде. И каждый раз перед представлением у входа в цирк слышалось: «Нет ли лишнего билетика?».

К нашему спектаклю очень доброжелательно отнеслись такие авторитеты в искусстве, как Яшин, Райкин, Утесов.

Наше искусство — это эксперимент, поиски новых форм. Но новые номера мы готовим параллельно с выступлениями. Лишь цирковое училище да несколько цирков занимаются «выпуском» новых аттракционов. Поэтому, может быть, наши программы не так разнообразны, как хотелось бы.

...Семь утра, а на манеже цирка уже слышится храпывание разгоряченных снаунов, нетерпеливый стук копыт. Идет репетиция. На дрессировщика нет элегантно цилиндра и черного фрака. Его рубашка потемнела от пота, волосы спутались... Идет обыкновенная репетиция.

Когда вечером ведущий программы объявляет имя Валерия Манжелли, и на ярко освещенном манеже появляется молодой, элегантно наездник, и когда умное животное, подчиняясь воле человека, выделяет одно «па» за другим, зритель вовсе не подозревает, чего стоят эта легкость и элегантность.

А. ЛАВРИК.